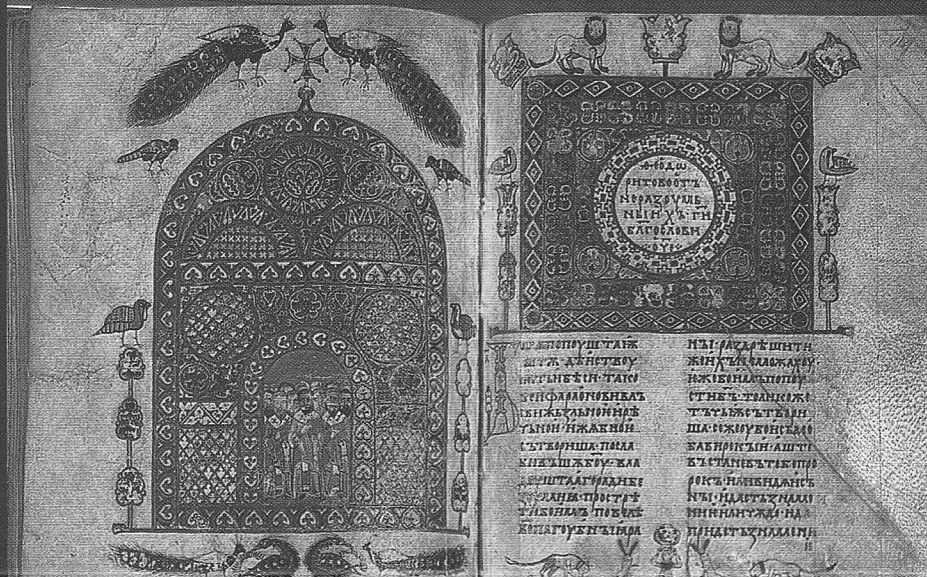

сборник статей

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ ИСТОРИИ РОССИИ (до 1917 г.)

К 80-летию
члена-корреспондента РАН
В. И. Буганова

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ XVIII—XX вв.

А. Н. Медушевский

Российский абсолютизм в сравнительном освещении

Проблематика изучения великих империй прошлого актуализируется в современной историографии по ряду причин. В условиях глобализации и связанных с ней процессов размывания национальной идентичности она позволяет лучше понять интеграционные процессы. Кроме того, данная тема, наряду с изучением революций — традиционно является одной из классических при объяснении становления современного демократического общества. Наконец, она представляет безусловный методологический интерес для отработки междисциплинарных и сравнительных подходов в современной историографии.

В интернациональной научной литературе сохраняется существенное различие методологических подходов и отсутствует единое определение феномена абсолютизма. В историографии сформировались три основных направления интерпретации абсолютизма:

— юридический подход (центральный для него является понятие монархического суверенитета);

— социологический подход (абсолютизм как социальный строй, система политических институтов и механизм власти);

— исторический подход (рассмотрение абсолютизма как определенной исторической эпохи в развитии общества и государства)¹.

Синтез этих подходов и разработка адекватной научной терминологии представляет актуальную исследовательскую задачу.

Абсолютистские империи нового времени есть форма становления современных национальных государств, имеющих как прочной, так и сложный состав: наряду с доминирующим национальным ядром в него могут входить многочисленные этно-национальные образования, находящиеся на разных стадиях развития и формирования собственной национальной идентичности. Степень их интеграции в единую гражданскую нацию определяется рядом факторов: развитием национального самосознания, культурной гомогенностью

общества, выражаемой в конфессиональных и светских, социальных и общественно-политических ценностях; наличием единой правовой системы (единого кодекса гражданского права); степени развитости коммуникаций, рыночных отношений и урбанизации, культуры национализма и индивидуализма, всеобщего образования и грамотности; единства военного и гражданского управления, формированием рациональной бюрократии. Данная социальная система противостоит в истории, с одной стороны, традиционному сословному обществу, характеризовавшемуся инкорпорацией индивидов в иерархическую и корпоративистскую систему, отсутствием национальной идентичности, сословными или локально ориентированными правовыми и политическими интересами. С другой стороны, — гражданскому обществу и политической системе, основанной на конституционных ограничениях власти, даже если последние имеют нестабильный и иллюзорный характер².

Переход от одного типа общественной организации к другой происходит постепенно, занимает длительный промежуток времени и характеризуется интеграционными процессами, образованием больших многонациональных государств — империй, генетически связанных с абсолютистско-монархической формой правления³. Этим понятием определяются хронологические рамки изучаемого явления (XVI — начала XX в.); его типология (различие политических режимов в рамках единой правовой формы неограниченной монархии), а также определение его социальных функций (все абсолютистские государства ориентированы на национальную унификацию и модернизацию и в этом смысле являются незавершенными).

В соответствии с этим подходом могут быть реконструированы характерные черты изучаемого явления (исходной классической моделью которого признается французский абсолютизм). Во-первых, формирование нации (национального ядра в многонациональных государствах) и национального самосознания как устойчивой совокупности социально-психологических установок и значимой мотивации социального поведения и политики государства. В истории крупнейших абсолютистских империй этот процесс был связан с формированием границ империй как основы территориального суверенитета. Географические параметры связаны с естественными пределами формирования национальных государств, а затем колониальных империй: абсолютистские государства формируются первоначально на Западе Европы (Англия, Испания, Франция XVI—XVII вв.); затем в Восточной Европе — Россия, Австро-Венгрия, Германия (XVIII—XIX вв.)⁴.

В геополитической перспективе соотношение центра и периферии не оставалось постоянным. Существовало два основных вектора экспансии: на Запад — к Америке и на Восток — к Сибири. Раздел

мира между великими державами стал в конечном счете результатом этого процесса (соперничество Англии и России в Средней Азии). Фактор внешней угрозы приобрел самостоятельное значение для формирования многонациональных империй в Восточной Европе (Османская империя как постоянный соперник для России и Австро-Венгрии). Другими факторами стали поиск культурной идентичности (по конфессиональным, а затем светским параметрам); установление контроля над стратегическими коммуникациями (до изобретения авиации — выход к морям). Проблема границ и их перемещения решалась не только сознательными усилиями, но также спонтанным движением масс населения из центра на окраины (так называемая народная хозяйственная колонизация). В этом смысле наиболее показателен факт российской аграрной колонизации окраин (стимулировавшийся бегством крестьян от крепостного права), а также вывозом избыточной рабочей силы и криминального элемента из метрополий в колонии (Британская империя).

В более узкой трактовке абсолютизм рассматривается как определенная фаза формирования национальных централизованных государств западного общества и в этом смысле противопоставляется предшествующему этапу феодализма. При таком подходе абсолютизм предстает как целостная социально-политическая система, которая, несмотря на специфику в отдельных странах, обладает рядом устойчивых признаков — наличием определенного уровня национальной самосознания; экономической и социальной интеграции (система налогообложения), единой (хотя и не вполне унифицированной) системой правовых и политических институтов, характеризуется централизованным порядком управления, значительной ролью регулярной армии и рационализированной бюрократии в консолидации политической власти, наконец, господством идеологически закрепленного принципа монархического суверенитета. В России сравнительное исследование этих проблем было представлено трудами П. Н. Ардашева, Н. И. Кареева, М. М. Ковалевского, Н. П. Павлова-Сильванского⁵. Особое направление историко-социологических исследований разработывает преимущественно проблема инфраструктуры правящих режимов, ставя в центр внимания механизмы власти и управления, те социальные слои, которые осуществляют властные решения (аристократическая элита, бюрократия, лидеры).

Решение проблемы типологии связано с различием моделей абсолютистских режимов и критериев, положенных в основу классификации. Эти критерии подразделяются на культурно-правовые (романский и германский типы абсолютизма), геополитические (островной и континентальный, западноевропейский и восточноевропейский типы); социологические (феодальный и буржуазный абсолютизм); стадийные (выделяющие фазы традиционного и просвещенного

абсолютизма); политико-юридические (монархический и деспотический абсолютизм)⁶. Преодоление европоцентризма и расширение исследовательских подходов на другие регионы мира поставило проблему типологии значительно шире, приведя к постановке вопроса о соотношении абсолютистских империй западного типа и восточных империй (традиционно определявшихся в европейской литературе как «азиатский деспотизм»)⁷.

Типология империй, представленная в современной литературе вопроса, основана на выделении доминирующих факторов их возникновения и поддержания могущества. С этих позиций было представлено их деление на военные, политические, экономические, идеологические. Однако этот набор факторов, по мнению критиков, во-первых, не является исчерпывающим (к ним добавляют демографические и географические факторы, говоря о морских и сухопутных империях, а в ряде случаев специально подчеркивают конфессиональную составляющую); во-вторых, эти факторы действуют во всех империях и их бывает трудно разделить; в-третьих, соотношение факторов меняется в каждой из империй с течением времени.

Тем не менее констатируется, что наличие доминирующего фактора определяет индивидуальный профиль каждой империи и позволяет лучше понять причину ее крушения: империя Моголов была воплощением военной силы, Британская империя — финансовой и экономической мощи, империя Габсбургов — результатом политических и дипломатических конструкций. Соответственно, утрата или резкое ослабление действия доминирующего фактора ведет к дезинтеграции империи. В конечном счете, это приводит ряд исследователей к отказу от единой типологии, которая заменяется конструированием типологий различного уровня или введением интринсивного понятия дизайна империй или стиля управления, различающихся от одной империи к другой и неодинаковым в разные исторические эпохи⁸.

Наряду со статическими моделями абсолютизма предложены динамические — рассматривающие его в перспективе аграрных революций и реформ нового и новейшего времени. Данная постановка вопроса восходит к А. де Токвиллю, считавшему, что революция, в сущности, продолжает программу преобразований, начатую, но не завершенную абсолютизмом⁹. При таком подходе центральной проблемой является конфликт в рамках единой абсолютистской системы между привилегированным классом землевладельцев и бюрократией, составляющей основу различных модификаций абсолютизма — от монархической власти, добившейся консенсуса между социальными силами в ходе реформ до одномерных крепостнических режимов, не способных к структурной перестройке, а потому обреченных на революционное свержение¹⁰.

В связи с анализом особенностей исторических традиций российской государственности актуально обращение к концепции государственной или юридической школы русской историографии, давшей целостное объяснение специфики отношений общества и государства в России, формирования сословного строя и роли политической власти по модернизации и европеизации страны. Констатировав особый тип отношений общества и государства в русском историческом процессе, теоретики государственной школы (Б. Н. Чичерин, С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, А. Д. Градовский, В. И. Сергеевич) отметили ведущую роль государства в формировании сословного строя, а утверждение абсолютизма в новое время связывали с изменением положения сословий (прежде всего дворянства) по отношению к политической власти в условиях растущей конкуренции национальных государств. Из этого анализа выводилась особая концепция служилого государства допетровского периода, его трансформации в новое время путем государственных реформ — закрепощения и раскрепощения сословий государством, причем абсолютизму отводилась в целом позитивная роль в развитии традиционного общества¹⁴. Данная концепция сохраняет объясняющее значение и остается востребованной в современной интернациональной историографии российского абсолютизма¹⁵.

Стабильное существование всякого национального государства возможно при соблюдении трех важнейших условий: во-первых, создание единства правового пространства (отмена внутренних таможен, возможность перемещения товаров и услуг, единство правовых норм и судебной практики, т. е. преодоление сословных и феодальных ограничений). В частности, необходимо преодоление различий в региональных юридических нормах (особенно четко данная потребность проявилась в Австрийской империи, но и в России — принятием особых законов для таких регионов как Прибалтика, Польша, Финляндия, особых норм для бродячих инородцев); во-вторых, преодоление правового дуализма (постепенное сближение гражданских прав привилегированных и непривилегированных сословий после отмены крепостного права) в том числе через судебную практику; в-третьих, тенденция к унификации прав гражданства (в рамках концепции подданства, а затем и гражданства).

Первая задача решалась абсолютистскими государствами XVIII—XX вв. путем кодификации права. Именно в эпоху абсолютизма идея создания общего национального кодекса становится важным политическим императивом¹⁶. Сравнительный анализ права таких стран как Россия, Пруссия, Австрия, других государств Центральной и Восточной Европы позволил выявить ряд крупных законодательных инициатив, имеющих принципиально общие черты. Рассматривая

крупные кодификационные инициативы как вехи на пути реформирования социальных отношений с помощью политики права, можно выделить ряд основных этапов законодательных работ в эпоху расцвета абсолютизма XVIII в. Это начало кодификационных работ (Уложенные комиссии Петра I 1700, 1714 и 1721 г.г., в Австрии — комиссия 1709 г., в Пруссии — 1713 г.); их новая активизация в середине XVIII в. (Уложенные комиссии Елизаветы и Екатерины II в России 50–60-х годов XVIII в., комиссия 1747 г. в Пруссии и 1753–1755 г.г. в Австрии); третий этап кодификации права, который приходится на период после Французской революции (Прусское земское Уложение 1794 г., Австрийское гражданское уложение 1811 г. и кодификационные проекты начала царствования Александра I в России). В данной перспективе кодификационная программа русского абсолютизма выступает как попытка целенаправленного использования законодательства, правовой политики для реформирования и модернизации социальных отношений. Прослеживается несомненное сходство побудительных мотивов кодификации (систематизация источников права и рационализация его с помощью перестройки общественных отношений), сходство условий кодификации (проходившей в странах с абсолютистскими системами), а также методов их проведения (путем создания бюрократических комиссий). Сходными в принципе оказывались и результаты их деятельности, характеризовавшейся незавершенностью, которая в свою очередь объяснялась стремлением приспособить западноевропейское право к сословным структурам стран Восточной Европы. Это вполне справедливо и в отношении Уложенных комиссий русского абсолютизма, особенно в области реформирования владельческих прав правящего класса¹⁴.

Существует параллелизм и последующих кодификационных работ второй половины XIX — начала XX в. Так, перед составителями проекта русского Уложения рассматриваемого периода стояла непростая задача согласования положений различных правовых систем — нового и традиционного, кодифицированного и прецедентного права, норм писаного и обычного права, — как между собой, так и с российским законодательством, прежде всего — Гражданскими законами (Свод законов. Т. X, ч. 1) и судебной практикой (решениями и разъяснениями Кассационных департаментов Правительствующего Сената).

Другим направлением унификации права являлось преодоление правового дуализма — т. е. признанного существования двух правовых систем. Специфика правовой системы пореформенной России (как, впрочем, и других крупных империй — Австро-Венгерской и Германской) определяется понятием правовой дуализма. Им обозначается сосуществование в пореформенной России двух правовых систем — позитивного права (все больше находившего выражение в

рецепции норм западного происхождения) и обычного (в основном, норм неписаного крестьянского права или норм, имеющих выраженные региональные особенности), которое лишь частично было отражено в действующем законодательстве, но составляло реальную основу правового самосознания подавляющей части населения страны¹⁵. Проблема кодификации гражданского права стала, поэтому, одной из центральных в пореформенной России второй половины XIX — начала XX в. На этой основе (сопоставления двух типов права) возможно раскрытие конфликта старого и нового права, причин и параметров кризиса легитимности той концепции земельной собственности, которая была зафиксирована в позитивном праве (Своде законов гражданских). В центре внимания юристов и политиков той эпохи находится попытка преодоления правового дуализма, связанная с модернизацией правовой системы страны, рационализацией и модернизацией традиционных норм российского поземельного права¹⁶. Она получила выражение в проекте Гражданского Уложения Российской империи. Особое внимание уделялось проблеме правового регулирования традиционных форм земельной собственности в новых условиях, а также переходных форм собственности, владения и пользования землей. Данная постановка вопроса позволяет по новому интерпретировать научные дискуссии рассматриваемого периода, в частности, смысл использования ряда категорий римского и западного права для выражения сложной реальности поземельных отношений пореформенной России. Преодоление правового дуализма оказывалось возможно тремя способами — путем постепенного вытеснения одного типа легитимности (и соответствующих правовых норм и практики) другим (через кодификацию права и судебную практику); достижения компромисса между ними (законодательного реформирования исторически сложившейся модели собственности); путем ускоренной модернизации социальных институтов, осуществляемой на правовой или даже неправовой основе в виде так называемой революции сверху (которая во многом является атрибутом абсолютизма).

Третьим направлением унификации права становилось распространение гражданских прав на новые категории населения. Существо социального конфликта нового времени выразилось в сравнительной перспективе в переходе от подданства к гражданству. В Российской империи до февральской революции 1917 г. существовало юридическое понятие подданства. Оно определялось как юридическое отношение между государством и личностью и означало совокупность прав и обязанностей лица по отношению к данному государству. Объем понятия включал установленную юридически совокупность прав и обязанностей — пребывание в пределах государства, право на защиту на территории государства и за его пределами, обязанность

подчиняться законам государства не только на государственной территории, но и за ее пределами, трактовка как измены действий, направленных во вред государству. Приоритет государственной власти над подданными выражался, в частности, в том, что свобода перехода в подданство другой страны (принятая в европейских государствах XIX в.), не признавалась в России. Переход от подданства к гражданству поэтому не формальный момент: он влечет ряд важных социальных последствий и непосредственно связан с изменением политического строя страны путем признания личных прав (на неприкосновенность личности и собственности, свободное передвижение, свободу мысли и вероисповедания, право собраний и обществ, право петиций к верховной власти)¹⁷. Гражданство и подданство составляют часть более общей проблемы — отношения индивида и государства в различных политических системах — в абсолютистском монархическом (самодержавном) государстве с одной стороны, и в системе правового государства — с другой. Исторические параметры процесса перехода от подданства к гражданству связаны с динамикой национальной государственности нового времени: в широком смысле — от формирования централизованных государств до распада империй (а в известном смысле до настоящего времени, поскольку знание принаследности к имперскому типу государственности живо в исторической памяти масс в соответствующих государствах).

В этом контексте самостоятельным фактором является эволюция идеологии и практики абсолютизма. В основе абсолютистской доктрины лежат две концепции — суверенитета и монархии, образующие понятие монархического суверенитета (в отличие от народного суверенитета демократических государств). Наибольший вклад в теорию абсолютизма на Западе внесли Т. Гоббс, Ж. Боден, С. Пурфендорф, а также их либеральные критики — Д. Локк, Ш. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо. В России теория абсолютизма (или абсолютного монархического суверенитета) представлена наиболее полно в сочинении Ф. Прокоповича «Правда воли монаршей». Она получила закрепление в Воинском уставе 1716 г., и сохранилась до конца существования монархии. «Его величество, — гласит формула закона, — есть самовластный монарх, который никому на свете в своих делах ответу дать не должен; но силу и власть имеет, свой государства и земли яко христианнейший государь по своей воле и благомнению управления». Свод основных государственных законов в новой редакции от 23 апреля 1906 г. формулирует существо самодержавия следующим образом: «Императору всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его, не только за страх, но и за совесть, сам бог повелевает». Таким образом, российское самодержавие (периода империи) следует признать одной из историче-

ских разновидностей абсолютизма, учитывая, разумеется, его историческую специфику возникновения, легитимации и эволюции.

Отметим сходство этапов развития государственности крупных абсолютистских империй Центральной и Восточной Европы: начало — утверждение абсолютизма; развитие — Просвещенный абсолютизм; рубеж XVIII — нач. XIX в. — реформы, осуществлявшиеся после Французской революции; этап либеральных реформ — вторая половина XIX в., трансформация абсолютизма в дуалистическую монархию, начавшаяся в XX в. и закончившаяся его свержением. Утверждение абсолютизма в России рассмотрено в историографии в сравнительно-историческом аспективе: в сравнении с предшествующим типом государственности, в перспективе последующего развития и, наконец, в сравнении с другими странами на определенном этапе их развития.

Эпоха нового времени внесла существенные изменения в процесс рационализации управления. В это время, когда в силу экономических, географических, технических и культурных открытий мир все более становится единой цивилизацией, отставание в темпах развития, рационализации становится угрозой суверенитету государства. Организация государственного устройства передовых стран выступает в этих условиях в качестве модели желательного переустройства. На этой основе возникает необходимость избрать путь догоняющего развития и модернизации. Все эти модификации процесса рационализации — догоняющее развитие, радикальные реформы государственного управления и европеизация — впервые нашли свое полное выражение в ходе утверждения абсолютизма — преобразованиях Петра Великого первой четверти XVIII в., а затем его последователей в России, в ее крупнейших реформах. Административные реформы Петра Великого состояли в создании новой системы государственных учреждений в России — Сената и коллегий, образованных в 1717 г. по шведскому образцу вместо традиционных учрежденных (приказов и Боярской думы), изменении структуры и принципов административно-территориального управления (губернская реформа). Особенность коллегий как административных учреждений заключалась в том, что дела решались несколькими лицами большинством голосов. В России коллегии были подчинены Сенату, затем — преобразованы в министерства. Завершением реформ стало создание нового правящего слоя и рационализированной бюрократии, статус которых определялся в сводном документе — Табели о рангах. Сравнительный анализ показывает, что административные реформы Петра, отвечая задачам догоняющего развития и модернизации, были первыми в ряду подобных системных преобразований нового времени, обнаружив ряд устойчивых признаков, которые затем прослеживаются в реформах абсолютистских и вообще автори-

тарных режимов — Пруссии, Австрии, Дании, Турции, Египта, Японии и других развивающихся стран Нового и Новейшего времени¹⁸. Важной исторической модификацией абсолютизма в Новое время является Просвещенный абсолютизм — историческая модификация абсолютизма, связанная с распространением просветительских идей и попыткой их использования во внутренней политике европейских монархий XVIII в., которая в современной науке интерпретируется как существенный шаг в направлении правового государства. Просвещенный абсолютизм означает стремление государства путем правовых модернизацию традиционного сословного общества путем правовых и административных реформ и активного вмешательства бюрократии в социальную жизнь. Средством для этого служит регламентация социальных отношений, усиление их регулирования с помощью права (выражением чего становятся попытки кодификации, унификации и рационализации гражданского права). Данная модель интерпретируется также как полийское государство, в котором существует жесткая правовая и административная регламентация всех сторон жизни, однако сама верховная власть не ограничена правом. Эпохой Просвещенного абсолютизма считают период от вступления на престол Фридриха II (1740) до Французской революции 1789 г. Наиболее видными ее представителями являются Фридрих II в Пруссии, Иосиф II в Австрии и Екатерина II в России¹⁹. В современной историографии присутствует и более широкая трактовка феномена Просвещенного абсолютизма, распространяющая это явление на весь XVIII в. и начало XIX в. (программа либеральных реформ начала царствования Александра I и деятельности М. Сперанского). Ключевым элементом идеологии Просвещенного абсолютизма (отличающим его от предшествующего типа абсолютных монархий) следует считать стремление опереться на фундаментальные законы, способные ограничить произвол правителя. В этом смысле данный тип государственности является шагом вперед в направлении правового государства²⁰. Одним из следствий политики Просвещенного абсолютизма стало формирование дворянской интеллигентальной элиты, ориентированной на решение задач модернизации и европеизации общества²¹.

В начале и особенно во второй половине XIX в. существовала устойчивая (хотя и неровная) тенденция к постоянному расширению объема регулирования социальных прав²². Она достигла высшего развития при Александре II, время правления которого вошло в историю как эпоха Великих реформ. Они включали радикальные преобразования всех сторон жизни русского общества. Крестьянская реформа 19 февраля 1861 г. освобождала крестьян от крепостной зависимости с земельными наделами. Земская реформа, введенная Земским положением 1 января 1864 г., предоставляла населению губерний и уездов всех сословий посредством выборов представителей осуществлять

для другой — определялись скорее как мнимый конституционализм²⁷.

Если либеральные оппоненты самодержавия отстаивали идеал дуалистической конституционной монархии, то правительственные круги ориентировались на модель монархического конституционализма, дававшую монарху неограниченные преимущества перед парламентом. Еще важнее в условиях переходного периода была практика политического режима, сводившего на нет и те зыбкие правовые гарантии, которые были провозглашены.

В результате выяснилось, что в рамках одной формы правления — «конституционной монархии», скрываются совершенно различные политические режимы, радикально отличные между собой по социальной природе, политико-правовому оформлению и последующей исторической судьбе. Наряду с парламентарными и дуалистическими монархиями Западной и Центральной Европы, эта типология позволяет выявить особый тип — монархического конституционализма. В конце XIX — начале XX в. он получил развитие в государствах Европы — Германии, Австро-Венгрии и России, а также в государствах Азии (прежде всего — Японии эпохи Мейдзи). Его принципиальные особенности отражены в его названии — это именно «монархический» конституционализм (в отличие от конституционной монархии). Основными признаками данного политического режима являются октроированный (дарованный) характер конституции, крайне непоследовательное проведение разделения властей (как в теории, так и на практике), отсутствие ответственности правительства перед парламентом (при сохранении полного контроля над ним со стороны монарха), сохранение за монархом полного контроля над армией и вообще силовыми структурами, наконец, исключительно большие законодательные полномочия монарха, которые в чрезвычайных условиях становились практически абсолютными (что делало возможным спор о самом существовании парламента). Данная система объективно тяготела к трансформации первоначально провозглашенного разделения властей (которое было известным шагом в направлении дуалистической монархии) в фактический режим личной власти монарха, а затем (после свержения монархии) — диктатора. Это был, таким образом, политический режим, который вполне соответствовал его интерпретации как мнимого конституционализма²⁸. Исключительно важным фактором поддержания легитимности данной системы в переходный период было сохранение легитимности самого института монархии (именно института, а не персонального носителя монархической власти). Эта легитимность в рассматриваемый период несомненно перевешивала легитимность представляемых учреждений. Именно этим обстоятельством объясняется крайне слабая поддержка населением России Государственной думы в условиях ее конфликтов с самодержавием.

управление местными хозяйственными делами (сборами, дорогами, образованием, здравоохранением и др.). Городовое положение 1870 г. создавало институты внутреннего городского самоуправления с участием всех сословий. Судебные уставы, утвержденные 20 ноября 1864 г., вводили независимое судопроизводство, отделив суд от других институтов государственного управления, гласный и состязательный порядок осуществления правосудия, избираемых на селением мировых судей и адвокатуру. Устав о воинской повинности 1874 г. вводил равенство всех сословий по отношению к воинской повинности, установив сокращенные сроки службы лишь по критерию образования. Университеты по новому уставу получили самоуправление посредством коллегий профессоров и избрания ими ректора. Для женщин учреждались специальные Высшие курсы, работавшие по университетским программам. Печать по правилам 1865 г. получила большую свободу от цензурных ограничений, начали развиваться провинциальные газеты.

Эти реформы стимулировали широкое общественное движение, направленное на демократизацию общества посредством развития земского самоуправления и предоставления его представителям места в общегосударственной деятельности. Особенностью Великих реформ следует признать их научную разработку, тщательную юридическую подготовку и планомерное осуществление²³. В истории России это уникальный пример успешного проведения масштабных социальных преобразований с сохранением социального консенсуса и правовой преемственности. В этом смысле анализ опыта данных реформ имеет непреходящее значение и представляет актуальность для всех обществ переходного типа. Поступательное движение видно в направлениях рецессии римского и европейского права. В России доказательством существования данной тенденции является динамика предложения проектов аграрных²⁴ и политических реформ²⁵.

Однако трансформация самодержавия в направлении правового государства (в форме конституционной монархии), начавшаяся после Манифеста 17 октября 1905 г., была непоследовательной. Тот вид конституционной монархии, который начал утверждаться в России после 1905 г., всего более напоминает германскую, позаимствовав у нее основную идею — монархический принцип. На это обращали внимание как русские, так и германские (М. Вебер, О. Хинтце)²⁶ исследователи. В правовой и политической литературе (Гессен В. М., Котляревский С. А., Кокошкин Ф. Ф., Лазаревский Н. И., Миллюков П. Н., Муромцев С. А.) обсуждался вопрос о том, в какой степени самодержавие стало ограниченной монархией и каковы тенденции его развития. Если для одной группы исследователей ограничения самодержавной власти, введенные в основное законодательство, означали переход к дуалистической конституционной монархии, то

В сравнительной перспективе можно констатировать сходство целей (модернизация права) и результатов (неполная реализация) политики абсолютистских государств.

Принципиальная составляющая процесса модернизации и реформ — бюрократизация управления. Известно, что абсолютизм как политическая система представляет собой новое качество в сравнении с традиционными феодальными монархиями. Традиционной организации власти и управления в мировой истории противостоит рационалистическое их устройство. Процесс рационализации управления, проявляющийся в реформах, охватывает при этом самые разные стороны жизни — экономику, социальные отношения, политику, сферу государственного управления — перестройке административного аппарата, правящего класса и бюрократии. Исходя из этого, становится более понятной логика реформ и контрреформ в русском историческом процессе, выдвинутые модели общественного переустройства²⁹.

История России дает три модели реформ (и их идеологического обоснования), направленных на модернизацию социальных отношений. Первая из них состоит в ускоренном догоняющем развитии, осуществляемом исключительно путем административного регулирования, нацеленного на быстрое достижение стратегических целей. Поскольку в общественном сознании место державы в мировой политической системе стереотипно определялось военным потенциалом, данный вариант модернизации часто бывает нацелен на достижение соответствующих результатов именно в этой области. Лучшим примером этого служат реформы Петра, в короткие сроки создавшего промышленность, налоговую систему, образование, армию и флот. Выбору подобного варианта способствует ряд исторически сложившихся предпосылок — слабость общества, авторитет государственной власти, не имеющей противовеса в виде сословно-представительных институтов, развитый бюрократический тип управления³⁰. При таком варианте быстрых реформ государство до предела напрягает общественные ресурсы, полностью перекрывая для этого механизмы социального контроля. Это приводит в свою очередь к отчуждению власти от народа и уже в силу этого порождает огромный резерв для контрреформ. Более того, проведение такой модернизации, подавляя демократические начала саморегуляции общества, в длительной перспективе ведет к обратному результату.

Другая модель модернизации представлена реформами 60-х годов XIX в., опиравшимися на поддержку более широких кругов общества, которым присущее осознание необходимости преобразований. Главной отличительной особенностью данной модели реформ являлось то, что она сразу законодательно провозгласила коренное социальное переустройство, что способствовало вовлечению в реформационный

процесс всех слоев общества. Реформа открыла возможности для участия общества в преобразованиях, имевших целью создание гражданского общества и правового государства. Ликвидация крепостничества, введение земского самоуправления, демократические реформы в области суда, образования и печати служили реальным основанием постепенной рационализации и европеизации общественных отношений, освобождения от традиционных институтов.

Третья модель связана с формированием достаточно широкого социального движения, способного инициировать проведение реформ в направлении гражданского общества и правового государства. Анализ российского либерализма и конституционализма конца XIX — начала XX в. с этой точки зрения показывает, что они формируются в рамках определенной более широкой социальной системы, являясь в то же время ее важной самостоятельной частью и стабилизирующим фактором. Политическая философия русского либерализма и конституционализма представляла собой теоретическую парадигму, которая давала объяснение этого процесса и потону не утратила своего значения. Основными компонентами данной теории стали — обоснование возможности выхода из фундаментального социального конфликта не путем революции, а радикальных социально-экономических и политических реформ, целенаправленно осуществляемых государством; разработка модели перехода от авторитарного правления к современной плюралистической демократии при сохранении преемственности власти и легитимности правления; установление специфики теоретических оснований, стратегий и тактики конституционализма в условиях ускоренной политической модернизации³¹. Специфика российской ситуации по сравнению с государствами Западной Европы усматривается в сочетании аморфного общества и сильного государства, которая таит в себе большой конфликтный потенциал, но в то же время содержит инструмент выхода из кризиса. Им является государство, осознавшее свою историческую миссию социальных преобразований.

В контексте мировых процессов модернизации обращает на себя внимание сходство реформ и их идеологического обоснования в России с преобразованиями того же времени в странах Восточной Европы и Азии — Пруссии Бисмарка, Австрии в период «Компромисса» 1867 г., Оттоманской империи, Японии Мейдзи и Китае периода «100 дней реформ». Исследователи уже давно обратили внимание на тот факт, что по механизму проведения реформы 60-х годов XIX в. в России, а также сопутствующий им конфликт в общественной мысли, имеют много общего с преобразованиями эпохи Танзимата в Турции и Мейдзи в Японии, где правящая элита в своем стремлении к модернизации наталкивалась (как и в России) на значительные пережитки

традиционной культуры и вынуждена была считаться с существованием мощной консервативной оппозиции.

Процесс развития бюрократии, как показано в русской политической правовой литературе, исторически связан повсюду с формированием современных национальных государств и отражает особенности их становления. В России рассматриваемого периода он представлен следующими фазами: эволюционное формирование приказной бюрократии в системе служилого государства³²; введение принципов рациональной бюрократии в период утверждения абсолютизма и реформ государственного строя XVIII в.³³; развитие бюрократии как особого социального слоя Нового времени, связанное с попытками движения в направлении гражданского общества и проведением либеральных реформ XVIII—XIX вв.³⁴ Наконец, заключительный этап формирования российской бюрократии связан с ограничением абсолютизма в период конституционных преобразований начала XX в.³⁵

В условиях разворачивавшегося конфликта между обществом и государством, реформ XVIII и особенно XIX в., бюрократия становилась важнейшим элементом, от позиции которого зависел в конечном счете поворот политики в направлении либеральных реформ или контрреформ. Это проявилось в ключевой роли «просвещенной» бюрократии в подготовке и проведении Великой реформы 1861 г., а затем — консервативной бюрократии в сворачивании процесса реформ после гибели императора Александра II в 1881 г. Особая роль государства и бюрократии в ходе реформ четко отражена в идеях и сочинениях основных политических деятелей — монархов от Петра Великого до Александра II, а также ключевых инициаторов реформ — М. М. Сперанского, П. Д. Киселева, П. А. Валуева, Я. И. Ростовцева, Н. А. Милютина, М. Т. Лорис-Меликова, С. Ю. Витте, П. А. Столыпина, цель которых состояла в превращении бюрократии в рациональный инструмент построения гражданского общества³⁶.

Тот факт, что бюрократия выступала не только инициатором, но и основным источником дисфункции при проведении реформ, делал необходимым преобразование самой административной службы. Концепция рациональной администрации (действующей на основании правовых норм, а не собственных предпочтений) — важный конструктивный элемент либеральных проектов административных реформ в России XIX в. Эта концепция включала пересмотр общего места бюрократии в политической системе (преодоление сращивания власти и собственности, высшей администрации с придворной средой, а фактически всем привилегированным классом землевладельцев); расширение социального контроля (в том числе на уровне местного земского самоуправления); правовое регулирование положения чиновничества; увеличение его независимости, с одной стороны, и ответственности с другой.

Можно констатировать сходство причин кризиса и крушения империй абсолютистского типа в начале XX в. Для объяснения целесообразно обратиться к социологической модели конфликта двух типов социальной интеграции — механической и органической (она была выдвинута Г. Спенсером и Э. Дюркгеймом). Для первой (механической интеграции) характерно стремление к достижению устойчивости за счет предельно централизованной системы управления, основанной на жесткой иерархической вертикали власти, таких ее параметрах как армия, полиция и бюрократия. Для второй (органической интеграции) характерна устойчивость, образующаяся путем взаимодействия (и перекрестного наложения) многочисленных подразделений общества, при которой индивид оказывается включен в многообразные сети социальных отношений, ролей и статусов. Если первый тип интеграции кажется внешне более прочным, то это обманчивое впечатление. Именно второй тип имеет более устойчивый характер в силу большей гибкости и вариативности способов приспособления к изменению внешней среды. Если использовать этот теоретический подход к анализу европейских империй (для которых был характерен не органический, а именно механический тип интеграции), то становится понятно: основной причиной их кризиса и дезинтеграции стала невозможность приспособиться к быстро изменившимся условиям развития (все они погибли в условиях Первой мировой войны и революционных переворотов). Для Германской, Австро-Венгерской и Российской империй в равной мере оказалось невозможным осуществить бесконфликтный переход от одного типа интеграции к другому: во всех трех империях национализм выступил как новый доминирующий фактор социального развития (о его силе говорит тот факт, что он продолжает действовать до настоящего времени, причем независимо от форм политического устройства). Другой фактор дезинтеграции — эрозия монархической легитимности в условиях перехода к демократии. Третий фактор — внешний (война и распад государств под влиянием извне). Крушение абсолютистских империй имело, следовательно, системный характер. Эта участь постигла, однако, и пришедшие им на смену демократические правительства³⁷.

Таким образом, абсолютизм как форма становления и развития национальных государств — важная часть социально-политического и культурного наследия Европы. Практический интерес исследований данной проблемы состоит в том, чтобы выявить опыт больших империй, ставших основой и выдающимся проявлением интеграционных процессов в Европе. Мы видели, что они не только способствовали становлению современных национальных государств, но стремились поддерживать определенный консенсус в обществе, не закрывая при этом путей к его правовому и политическому просвещению.

Суммируем позитивный опыт абсолютистских империй: наднациональный характер власти (социальный арбитраж), оказавшейся способной длительное время поддерживать существование больших многонациональных государств; социально-политическая стабильность, которой иногда недостает современным демократиям; специфические механизмы разрешения конфликтов (сочетание легитимного применения государственного насилия с поиском консенсуса); в целом позитивная динамика развития абсолютистских систем в направлении гражданского общества и правового государства путем бюрократических реформ; наконец, значительный вклад монархических государств в мировую культуру (некоторые связывают его с выходящими культурными запросами аристократической элиты, уровнем спонсорской деятельности, недостижимым при демократии, а также сохранением такого уровня интеллектуальной свободы для привилегированного слоя, который был утрачен в последующее время).

Проявлениями данной социальной функции абсолютистских государств стали — консолидация власти, унификация правовой системы, расширение и укрепление границ (в условиях естественной борьбы государств за выживание), стремление обеспечить подданым (гражданам) стабильное устойчивое развитие. Анализ правовых инициатив (кодификаций), а также систематических административных реформ показывает, что они стремились обеспечить правовое и рациональное управление. Абсолютизм определяется исходя из уровня национального самосознания, расстановки социальных сил в переходную эпоху от традиционного общества (феодализма или сословного общества) к гражданскому (демократии или массовому обществу), из присутствия данной системы административно-правового регулирования (полицейское государство), структуры и функций бюрократического аппарата, из идеологии самого абсолютизма как неограниченной власти монарха во имя достижения «общего блага». Все эти подходы не исключают, но, скорее, дополняют друг друга в определении места абсолютистского режима при переходе от сословно-иерархического к гражданскому обществу. Указанные параметры, в принципе присущие всякой абсолютистской системе, реализуются в различной степени в национальных вариантах абсолютистских государств. Более конкретно — время существования империй связано с нахождением у власти крупнейших европейских династий — Бурбонов, Габсбургов, Романовых, Гогенцоллернов. Сравнительное исследование крупных империй выявляет сходство основ, стадий и форм развития. Оно позволяет указать на общие параметры кризиса этого типа государств.

Европеизация предстает как общий вектор развития абсолютизма в Новое время (в отличие от предшествующих и последующих стадий). Движение к гражданскому обществу и правовому государству

выступает как важная и осознанная элитой цель (за исключением периодов монархического произвола). Именно этим определяется такая характерная тенденция, как заимствование правовых норм с Запада или из римского права. Другой стороной того же процесса является отказ от религиозной нетерпимости. Следует подчеркнуть выраженный космополитический характер правящих династий и элитных групп (международные браки, путешествия, знание иностранных языков и чтение книг).

Эти позитивные стороны государственности имперского типа становятся очевидны при сравнении с той социальной катастрофой, которой сопровождалось крушение империй и последующее революционное разрушение цивилизационных основ общества.

Примечания

- 1 Европейские монархии в прошлом и настоящем. М., 2001.
- 2 *Медушевский А. Н.* Теория конституционных циклов. М., 2005.
- 3 Национализм в мировой истории. М., 2007.
- 4 *Beloff M.* The Age of Absolutism. 1660–1815. London, 1966; *Anderson P.* Lineages of the Absolutist State. London, 1974; *Mousnier R.* La Monarchie Absolue en Europe du Ve siècle a nos jours. Paris, 1982; *Dukes P.* The Making of Russian Absolutism 1613–1801. London, 1989.
- 5 *Арданев П. Н.* Абсолютная монархия на Западе. СПб., 1902; *Кареев Н. И.* Западно-европейская абсолютная монархия XVI–XVIII вв. СПб., 1908; *Он же.* Поместное государство и сословная монархия средних веков. СПб., 1908; *Ковалевский М. М.* История монархий и монархических доктрин. СПб., 1912; *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в России. М., 1988.
- 6 *Hartung F., Mousnier R.* Quelques problemes concernant de la monarchie absolue // *Relazioni internazionali di science storiche.* Roma, 1955; *Mandrou R.* L'Europe «absolutiste». Raison et raison d'etat. 1649–1775. Paris, 1977; *Meinecke F.* Die Idee der Staatsräson in der neueren Geschichte. München, 1960; *Der Aufgeklärte Absolutismus.* Köln, 1974; Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964.
- 7 Дискуссия по этому вопросу была инициирована книгой: *Wittfogel K. A.* Oriental Despotism. New Haven, 1957.
- 8 *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007. С. 637.
- 9 *Токвиль А. де.* Старый порядок и революция. М., 1905.
- 10 *Skocpol T.* States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge, 1980.
- 11 *Чирихин Б. Н.* Курс государственной науки. М., 1894–1896; *Кавелин К. Д.* Бюрократия и общество // Собр. соч. Т. 2. СПб., 1904; *Соловьев С. М.* Публичные чтения о Петре Великом. СПб., 1903; *Градовский А. Д.* Начала русского государственного права // Собр. соч. Т. 7–9. СПб., 1901–1904; *Коржунов Н. М.* Русское государственное право. СПб., 1893.
- 12 *Raeff M.* Comprendre l'Ancien Regime Russe. Etat et Société en Russie Impériale. Paris, 1982; *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993; *Медушевский А. Н.* Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1994.
- 13 *Цвейгерт К., Кетц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т. 1–2. М., 2000.

Феномен двуглавого орла: реальность и семантика

Государственность России не мыслится без ее символов. Главными символами России, как и любого другого государства, являются герб, флаг и гимн. Еще тридцать лет назад они были объектом изучения специальных (вспомогательных) исторических дисциплин — геральдики, сфрагистики, вексиллологии и т. д. с соответствующими историческими выводами и заключениями. В современных же исследованиях наблюдается интегрированность проблем символики, прежде всего государственной, в иные области научного знания — в политологию, философию, социологию, психологию. Политологи, например, считают, что государственные символы «выполняют важнейшие политические и социальные функции, воплощая фундаментальные идеи, нормы и ценности... и, таким образом, являясь неотъемлемой частью политической культуры, удовлетворяя потребности в социальной ориентации граждан, в формировании гражданской идентичности. Благодаря их мобилизационному, легитимирующему и сплачивающему сообществу потенциалу, эти символы имеют значительное политическое влияние»¹.

Некоторые западные политологи применяют по отношению к разным (визуальным) политическим символам такие дефиниции, которые определяют их исключительно как категорию власти: «Политические (государственные) символы — это те, которые имеют значение для функционирования власти»². С данным определением можно согласиться, если учитывать адекватность восприятия государственных символов властью и обществом, что обусловливается, прежде всего, своеобразной «прозрачностью» знаков власти. И значимость государственных символов для общества в целом в большой степени зависит от того, насколько граждане идентифицируют себя с ними. Символика страны Советов, принятая большевистским руководством, утверждаясь в формах, соответствующих идеологическим конструкциям нового государства, была визуально доступна трудовому народу, а ее «прозрачность» «апеллировала к архетипам и ожиданиям масс»³.

Как показывает мировой опыт, хотя уже давно нет советского государства и символа его суверенитета — герба, перекрещенные серп и молот в качестве знака всевозможных левых движений, в том числе молодежных, участвуют в демонстрациях, маршах протеста — типа антиглобалистских — во всех странах света. Следует отметить, правда, что форма знака — это не изобретение большевиков. Они заимствовали его (в силу соответствия провозглашенных ими идей графическому изображению советского герба) в европейском

- ¹⁴ Пасман С. В. История кодификации гражданского права. Т. 1–2. СПб., 1876;
- ¹⁵ Латкин В. Н. Законодательные комиссии в России XVIII столетия. СПб., 1887;
- ¹⁶ Медушевский А. Н. Правовой дуализм в России и попытка его преодоления: Сравнительный анализ проекта гражданского уложения Российской империи // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 1 (50). С. 183–193.
- ¹⁷ Анненков К. Система русского гражданского права. СПб., 1894; Мейер Д. И. Русское гражданское право. СПб., 1910; Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Казань, 1910.
- ¹⁸ Vom Untertan zum Staatsbürger: Das russische Modell // Staatsbürgerschaft in Europa. Hamburg, 2001.
- ¹⁹ Подробное: Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1994.
- ²⁰ Мадарица И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.
- ²¹ Омельченко О. А. «Законная монархия» Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993.
- ²² Марасинова Е. Н. Власть и личность. Очерки русской истории XVIII в. М., 2008.
- ²³ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1–2. СПб., 2003.
- ²⁴ Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. 1–VI. М., 1914; Джанишев Г. А. Эпоха великих реформ. СПб., 1907; Корнилов А. А. Курс истории России XIX в. М., 1993.
- ²⁵ Медушевский А. Н. Проекты аграрных реформ в России XVIII — начала XXI в. М., 2005.
- ²⁶ Конституционные проекты в России XVIII — начало XX в. М., 2000.
- ²⁷ Stahl F. J. Das Monarchische Prinzip. Eine staatsrechtlich-politische Abhandlung zur Allgemeinen Verfassungsgeschichte. Göttingen, 1982; Hintze O. Das monarchische Prinzip und die konstitutionelle Verfassung // Hintze O. Gesammelte Abhandlungen. Bd. 1. Göttingen, 1962.
- ²⁸ Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. М., 1997; Лазаревский Н. И. Лекция по русскому государственному праву. СПб., 1908; Котляревский С. А. Юридические предпосылки русских основных законов. М., 1912; Герье В. И. О конституции и парламентаризме в России. М., 1906; Гессен В. М. Основы конституционного права. Пг., 1917; Милоков П. Н. Республика или монархия? Париж, 1929.
- ²⁹ Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997.
- ³⁰ Модели общественного переустройства. М., 2004.
- ³¹ Багер Х. Реформы Петра Великого. Обзор исследований. М., 1985.
- ³² Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М., 1998; Либеральный консерватизм: история и современность. М., 2001; Российские либералы. М., 2001.
- ³³ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.
- ³⁴ Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство XVIII в.: формирование бюрократии. М., 1974.
- ³⁵ Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.
- ³⁶ Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. СПб., 1996.
- ³⁷ Общественная мысль России. Энциклопедия. М., 2005; Реформы и реформаторы в истории России. М., 1996.
- ³⁸ Медушевский А. Н. Причины крушения демократической республики в России 1917 г. // Отечественная история. 2007. № 6. С. 3–27.